

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 60 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 70 К.

1
306H
1917H
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 41

НОЯБРЬ. 1917

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Рис. А. Радакова.

„Ого, да это дымъ изъ трубъ англійской эскадры, спѣ-
шащей къ намъ на помощь въ Балтійское море“, — подумалъ
русскій матросъ.

Увы, это былъ только дымъ изъ трубки англійскаго моряка,
спокойно посматривавшаго, что дѣлается на Балтійскомъ морѣ.

РАСПУТЬЕ.

Опять къ тяжелому распутью
Россія тихо подошла,
Но дали скрыты сѣрой мутью,
Пути окутываетъ мгла.

Куда идти, кому повѣрить,
Кто намъ повѣритъ и спасетъ!
Незабываемымъ потерямъ
Уже давно утраченъ счетъ.

Знамена, красныя знамена,
Надежда долгихъ рабскихъ дней,
Ужели врагъ иноплеменный
И васъ, восторженныхъ, сильнѣй?

Иль, за позоръ отмстивъ сторицей,
Вновь императорскій штандартъ
Надъ усмиренною столицей
Подниметъ новый Бонапартъ?

Не различить пути въ туманѣ,
Врага успѣй, устереги!
Но скоро кто-то въявь предстанетъ
И слышны мѣрные шаги.

Недоумѣнны и тревожны,
Готовы къ новому кресту,
Мы древній мечъ не вложимъ въ ножны
И не задремлемъ на посту.

Но дали замкнуты глухія,
Дрожитъ усталая рука...
— Храни, Христось, Твою Россію,
Опасность смертная близка.

Владимиръ Пруссакъ.

ARS AMATORIA.

(Трактатъ о партійной любви.)

1. Любовь монархическая.

Они гуляли по усыпанной желтыми листьями аллеѣ стараго помѣщичьяго сада, разрушеннаго во время послѣднихъ аграрныхъ волненій. Вѣтеръ качалъ верхушки деревьевъ, и казалось, что кто-то большой и грозный бросаетъ вызовъ бытію...

— Я люблю васъ, Ниночка, — говорилъ онъ. — Я хочу быть вашимъ мужемъ. Я хочу быть отцомъ вашихъ дѣтей. Я хочу быть дядей вашихъ племянницъ... Я бѣденъ, — у меня пять тысячъ десятинокъ. Проклятый Черновъ сдѣлалъ меня нищимъ...

Она ласково посмотрѣла ему въ глаза.

— Я согласна, Поль. Я вѣрю, что будетъ еще счастье, я вѣрю, что радость вернется, я вѣрю, что Нахамкесь удавится, а Чернова переѣдетъ авто.

Они подали другъ другу руки и слились въ мощномъ, страстномъ поцѣлуѣ.

2. Любовь кадетская.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Болдыревъ гулялъ съ своей невѣстой въ загородномъ саду.

— Вы увидите, Катя... черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь станетъ прекрасной, и мы будемъ счастливы. Черезъ двѣсти-триста лѣтъ Дарданеллы будутъ принадлежать Россіи, и въ лѣтніе мѣсяцы мы будемъ жить на Принцевыхъ остро-

вахъ, возлѣ Константинополя. Вы хотите жить на Принцевыхъ островахъ, Катя?

— А на этихъ островахъ Стрѣлка есть?

— Все есть! Во всякомъ случаѣ, если Стрѣлки нѣтъ, то Павелъ Николаевичъ ее сдѣлаетъ... Я люблю васъ, черезъ двѣсти-триста лѣтъ наша жизнь станетъ прекрасной...

3. Любовь вѣрна, но буржуазная.

— Итакъ, Дарья Петровна, все складывается великолѣпно. И чувства мои къ вамъ соотвѣтствующимъ образомъ эквивалентируются, и недвижимостъ въ порядкѣ. Что касается любви, то я вполне присоединяюсь къ воззрѣніямъ нашего лидера и бывшего министра Некрасова: любовь, это сторона, такъ сказать, духовная, однако самой своей сущностью предполагающая бытіе матеріальное.

— Какой вы хитрый. Я люблю васъ...

4. Соц.-демократическая любовь (меньшевистская.)

— Видите ли, товарищъ Феня... Любовь, какъ извѣстное состояніе діалектическаго процесса при увеличеніи заработной платы и растущей концентрации крупной и средней промышленности...

— Да, я знаю... Дайте вашу руку!

— Нѣтъ, позвольте... Концентрація крупнаго капитала, въ связи съ меліоративнымъ устройствомъ артельныхъ товариществъ...

Онъ говорилъ долго и много, красный и потный; рѣчь его лилась, какъ мутная жижица изъ трубы для стока нечистоты. Феня, хотя была тоже меньшевичкой, но ей было двадцать лѣтъ; а двадцать лѣтъ умѣютъ плевать съ высокаго дерева на всѣ доктрины Маркса!.. Феня, какъ гласитъ исторія, разсталась съ меньшевикомъ и вышла замужъ за фармацевта-индивидуалиста.

5. Интернаціоналистическая любовь.

Интернаціоналистъ Трифоновъ сдѣлалъ предложеніе своей товаркѣ Сонѣ Динамитникъ.

— Вы согласны? Отлично! Насъ ждетъ впереди трудовая рабочая жизнь. Мы будемъ работать, будемъ трудиться; мы поѣдемъ въ Германію, вызовемъ тамъ революцію. Отдохнемъ немного, а къ тому времени у насъ уже будетъ одинъ сынъ или одна дочь...

— Неужели...

— Конечно, будетъ! Изъ Германіи мы поѣдемъ въ Англию. Мы будемъ работать, мы будемъ трудиться, мы сдѣлаемъ революцію въ Англии; къ тому времени у насъ будетъ еще одинъ сынъ или еще одна дочь...

— Развѣ?..

— Несомнѣнно! Оттуда мы поѣдемъ въ Испанію; мы будемъ работать, мы будемъ трудиться, мы сдѣлаемъ въ Мадридѣ революцію, къ тому времени у насъ будетъ...

6. Большевистская любовь.

Хозяйка — «мадамъ Акулина», или какъ въ молодости ее звали Кулька-Зерно, совсѣмъ потеряла изъ виду бывшаго помощника и друга околоточнаго надзирателя Портвейненко. Съ самаго начала революціи надзирателя куда-то угнали, и въ долгіе веселые вечера, когда барышни плясали танго, а теперь Миронъ Ильичъ игралъ «На сопкахъ Маньчжуріи», — Акулина вспоминала своего друга и грустила, увеличивая цѣну на коньякъ. И вдругъ, какъ молнія Преметея, Портвейненко явился къ мадамъ Акулинѣ. Встрѣча была нѣжной, прогательной и пьяной.

— Такъ что, ты, Акулька, теперь не дрейфь... Можно сказать, все къ лучшему. Раньше, дѣйствительно, были я въ почетѣ на государственномъ положеніи, а теперь — большевикъ, и насчетъ нашего капитала, можно сказать, даже выгоднѣе оно...

Мадамъ Акулина смотрѣла на Портвейненко мягкими любовными глазами обожающей женщины.

— Какъ мы противъ буржуазіата и всякихъ аннексій, такъ мы, значитъ, со всѣхъ этихъ Дарданеллъ звонкую монету отшпиливаемъ.

— Жить можно? — дѣловито спросила мадамъ Акулина.

— И даже очень.

Когда Портвейненко по дѣламъ партіи выѣхалъ въ соседній городъ, мадамъ Акулина, радостная, какъ Пенелопа, воспріявшая Одиссея, гордо рассказывала дѣвицамъ:

— Онъ у меня молодець!.. Устроился, — первый сортъ. Служба прекрасная; въ пудовикахъ числится.

7. Эсъ-эровская любовь.

Дантистъ Розенбломъ исповѣдывалъ эсъ-эровское учение. Твердо и искренно дантистъ вѣрилъ, что вся земля должна принадлежать всему трудовому народу, и что Черновъ, — послѣ Моисея и Магомета — первый человѣкъ «въ нашемъ околоточномъ свѣтѣ». Какъ всякій дантистъ, и Розенбломъ имѣлъ между легкими и печенью аппаратъ, именуемый сердцемъ. Сердце дантиста не склонно къ измѣнѣ, и Розенбломъ вѣрно любилъ фельдшерницу Соню. Эта любовь была прочной, какъ золотая коронка, и упорной, какъ вращеніе боръ-машины.

Соня также была эсъ-эровкой и также вѣрила, что послѣ Моисея, Магомета, Собинова и Шаляпина, Черновъ самый большой «фурорникъ въ мірѣ».

Они любили другъ друга. Потомъ они женились другъ на другѣ. Потомъ у нихъ были дѣти другъ отъ друга. Потомъ они не захотѣли имѣть дѣтей другъ отъ друга, и каждый вечеръ повторяли:

— Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

8. Анархическая любовь.

Кронштадтскій анархистъ Сбейко стоялъ на перекресткѣ двухъ улицъ, опершись о фонарный столбъ.

Купеческая вдова Марѳа Васильевна Сорокина проходила на перекресткѣ двухъ улицъ и остановилась у фонарнаго столба.

Кронштадтскій анархистъ Сбейко сплюнулъ сквозь зубы и мрачно пробасилъ:

— Четвертной дашь?

Купеческая вдова Марѳа Васильевна Сорокина ласково оглядѣла анархиста и кротко отвѣтила:

— Дорого. «Пятнадцать».

Кронштадтскій анархистъ Сбейко подалъ руку купеческой вдовѣ Марѳѣ Васильевнѣ Сорокиной.

Мракъ окуталъ ихъ.

У дверей мебелированныхъ комнатъ для пріѣзжающихъ «Колумбъ» стоялъ унылый и въ достаточной мѣрѣ сконфуженный амуръ.

* * *

Мой предшественникъ, небезызвѣстный Овидій (по сообщенію Пуришкевича, псевдонимъ итальянскаго большевика Назонмана) свою книгу «Ars amatoria» закончилъ предложениемъ: «Теперь вамъ, мои красавицы, остается только сдѣлать то, что сдѣлали раньше молодые люди, — написать на своихъ трофеяхъ: «Я ученица Овидія».

Я значительно скромнѣе Овидія, и покорнѣе прошу представителей вышперечисленныхъ категорій отнюдь не считаться моими учениками, ибо мнѣ жизнь не надоѣла.

Бор. Мирскій.

ТРАГЕДІЯ МОЛОДОЙ ДУШИ.

(Изъ психологическихъ сочиненій угрюмаго человѣка.)

У обыкновенной жены необыкновенный мужъ —
Тяжелая семейная драма.
Вотъ какъ это обнаружила
Одна молодая дамочка.

Прежде всего: никому не чужда
Идея собственной исключительности, —
Каждый человѣкъ нуждается
Подтвержденіе этому получить.

Мысль, какъ видите, остра,
Интересная тема —
Такъ вотъ маленькая иллюстрація,
И правдиво и занимательно вмѣстѣ съ тѣмъ.

Жилъ былъ художникъ,
Рисовалъ все и всяко:
Дождь идетъ, — нарисуетъ дождь,
Дьякона захочетъ, — нарисуетъ дьякона.

Жена, ему завидуя ужасно,
Сказала однажды слѣдующее:
— Ахъ, какой ты красивый нарисовалъ пейзажъ.
Отчего я въ искусствѣ не свѣдуща? —

— Потому, что я — талантъ! — отвѣчалъ мужъ —
Но и у тебя, моя прелестная,
Способность имѣется не хуже —
Приготовлять великолѣпное тѣсто.

Я, на примѣръ, лично,
Къ мольберту подхожу умѣло,
Но ни ржаного тѣста, ни пшеничнаго
Никогда ни за что не сдѣлаю.

Кусокъ твоей булки съѣшь
И чувствуешь, что въ тебѣ искра Божія...
Жена была утѣшена
И поцѣловала мужа съ нервной дрожью.

И не жизнь стала съ тѣхъ поръ — аккордъ,
Онъ рисовалъ этюды,
А молодая женщина гордо
Изощрялась въ изготовленіи мучныхъ блюдъ.

«Рисовать — мастеръ, а на это не мастеръ», —
Она удовлетворенно думала,
И, постигнувъ полное счастье,
Однажды уѣхала на бѣду...

Мужу безъ жены захотѣлось кекса, —
Привычный все замѣчать,
Отыскавъ въ поваренной книгѣ нужный текстъ,
Изготовилъ печенье и уже ѣлъ съ чаемъ.

Рис. Д. Митрохина.

Совсѣмъ неожиданно
явилась жена
И, узнавши, что
печенье мужемъ
состряпано,
Была горестно
поражена
И съ плачемъ
упала на полъ.

Пряча слезы въ
шляпу съ перьями,
Женщина говорила
сквозь рыданья:
«А я то тебѣ, него-
дяю, вѣрила
И думала, что я ин-
дивидуальна!» —

Валентинъ
Горянскій

П О Э Т Ъ .

I.

Поэтъ шлепнулся въ грязь, какъ тысячи, какъ миллионы,
И лежитъ въ грязи, какъ свинья.
Но въ душѣ его образъ Мадонны,
А на устахъ къ ней эктенія.
— Благословенъ часъ моего паденія!
Благословенъ сто кратъ.
Сильнѣе здѣсь, среди тлѣнія,
Одеждъ твоихъ аромать.
И глаза твои, лучистые агаты,
Еще ярче среди тусклыхъ лужъ.
И мысли о тебѣ и чисты и святы,
Я твой и женихъ, и любовникъ, и мужъ!
Благословляю наши встрѣчи,
Благословляю каждый твой вздохъ, каждый взглядъ,
И слезы, моихъ стиховъ предтечи,
И муки моей сладкій ядъ!
И тебя благословляю царство тлѣнія,
Я порфиноносный царь,
Потому что, Мадонны красота весенняя,
Мнѣ и вѣра, и молитва, и алтарь!

II.

Поэтъ шлепнулся въ постельку, какъ тысячи, какъ миллионы,
И лежитъ довольный, какъ премированная свинья.
Рядомъ съ нимъ она, прекраснѣе Мадонны,
А подъ ними батистовая простыня.

Можетъ поэтъ безъ всякаго риска
Чувства свои Мадоннѣ изливать.
И даже стенографистка
Спрятана подъ роскошную кровать.
Золото словъ его она моментально
Потомству передастъ.
Но гдѣ же въ тебѣ, роскошная спальня,
Вдохновляющій поэта контрастъ?!
Духи «Коти» благовоннѣ Мадонны тѣла,
И ярче ея глазъ блестятъ флаконы отъ духовъ,
И на бѣлой простынѣ ея тѣло доволъ тускло бѣлѣло...
А брилліанты въ ушахъ бѣлѣе ея зубовъ.
Поэтъ сталъ творить, но хорэи и ямбы
Были скучнѣе осеннихъ дней.
И поэтъ воскликнулъ, — сюда помойныхъ ямъ бы,
Написалъ бы я тогда молитву Мадоннѣ моей!
Сказалъ и юркнулъ на кухню, гдѣ изъ ведерка
Селечный хвостъ уныло торчалъ,
Посмотрѣлъ на него вдохновенно и зорко
И по черной лѣстницѣ убѣжалъ!

О, ты, лоза, создавшая гроздь винограда,
О, ты, гроздь винограда, создавшая вино,
Благослови гниль листопада,
Согрѣвшую корней твоихъ дно!

А. Радаковъ.

У КОГО ЧТО БОЛИТЪ.

Въ кафе къ хмурому господину подсаживается молодой
человѣкъ, просматриваетъ газету и потомъ поворить, за-
икаясь:

— З... з... ззапломбирив...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Надоѣло... — раздра-
жается хмурый господинъ. — Восьмой мѣсяцъ уже твердятъ
объ этомъ. И какъ имъ не осточертѣетъ! Ну, пріѣхалъ въ
пломбириванномъ вагонѣ и пріѣхалъ. Его дѣло. Нѣтъ, до
сихъ поръ разговоры. Теперь даже кошки зѣваютъ при словѣ
Ленинъ...

— С... с... ссс...

— Знаю, знаю. Стекловъ. Онъ же Нахамкесь. У же-

ны институтъ красоты. Свѣжая новость, нечего сказать! И
какъ только у васъ языкъ поворачивается. Прямо не пони-
маю...

— З... з... ззз...

— Это издѣвательство! — кричитъ хмурый господинъ. —
Можете уходить. Я первый занялъ этотъ столикъ. Зиновъ-
евъ, Зиновьевъ... Носятся съ этимъ Зиновьевымъ. Моя
фамилія тоже — Зиновьевъ. Случайное совпаданіе. Что вамъ
угодно, а?..

Зайка дѣлаетъ невѣроятное усилие:

— З... з... ззапломбиривать зубъ надо мнѣ. С... с...
сскажите, з... з... зздѣсь есть близко врачъ? Въ газззе-
тѣ нѣтъ объявленій...

Красная Борода.

Ө Е М И Д У О Г Р А Б И Л И .

— А хороши у дѣвченки повязка да вѣсы были... Сразу къ дѣлу пригодились...

Я РАЗГОВАРИВАЮ СЪ КЕРЕНСКИМЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Въ апрѣлѣ этого года я получилъ отъ одного изъ приятелей цѣнный подарокъ: портретъ А. Ф. Керенскаго подъ стекломъ.

Я тепло поблагодарилъ дарителя и поставилъ портретъ на почетное мѣсто, — на пианино.

Тамъ онъ стоитъ до сихъ поръ.

Но, — странныя вещи происходятъ съ этимъ портретомъ: начиная съ вѣзда большевиковъ въ особнякъ Кшесинской, этотъ портретъ упорно поворачивается лицомъ къ стѣнѣ, а ко мнѣ — тыломъ, и въ послѣднее время, — все чаще и чаще.

Я не вѣрю въ чудеса и на окружающее смотрю трезвыми глазами: конечно, портретъ не самъ поворачивается лицомъ къ стѣнѣ и тыльной частью къ зрителю. Его поворачиваютъ нѣкоторые изъ гостей, приходящихъ ко мнѣ.

Мнѣ ни разу не удалось застать кого-либо на мѣстѣ преступления. Но если въ моемъ кабинетѣ сидятъ 4—5 человекъ, и я на минуту вышелъ въ столовую — можете быть увѣрены — портретъ повернуть лицомъ къ стѣнѣ.

Очень хочу, чтобы эти тихія, кроткія, безпристрастныя строки прочелъ самъ А. Ф. Керенскій и вмѣстѣ со мной призадумался надъ исторіей съ портретомъ.

Сядьте около меня, Александръ Федоровичъ, я вамъ что-то скажу.

Давайте побесѣдуемъ тихо, мирно, безъ криковъ и угрозъ, какъ обыкновенный писатель съ обыкновеннымъ адвокатомъ, какъ простой адвокатъ съ простымъ писателемъ.

Вѣдь у меня, у писателя, большая симпатія къ адвокатскому сословію... Сколько разъ я попадался въ нескромномъ желаніи свергнуть царскій режимъ и сколько разъ милая благородная адвокатура выпутывала меня изъ бѣды.

Замѣчательный народъ, право.

Ну, такъ вотъ, слушайте, мой дорогой министр-предсѣдатель...

— Александръ Федоровичъ! какъ вы думаете, — тѣ вздорные мелочные люди, которые злорадно и мстительно поворачиваютъ вашъ портретъ лицомъ къ стѣнкѣ, — контръ-революціонеры, или нѣтъ?

Конечно, нѣтъ. У меня контръ-революціонеровъ не бываетъ. Я за своихъ гостей вотъ какъ — головой ручаюсь: это тѣ тамые люди, которые 28 февраля ходили именинниками, подпѣвали Марсельезѣ и, вздѣвъ (совершенно искренно) красные банты на прудъ, лобызались съ солдатами, какъ съ архангелами-провозвѣстниками новаго счастья и новой славы свободной Россіи.

Одинъ изъ этихъ восторженныхъ людей и подарилъ мнѣ вашъ портретъ, Александръ Федоровичъ... А знаете, я не поручусь, что это именно не онъ поворачиваетъ теперь втихомолку вашъ портретъ къ стѣнѣ.

Конечно, и другіе поворачиваютъ, но я подозреваю, что и его рука изрѣдка непочтительно прикасается къ вашему изображенію.

Пустякъ, Александръ Федоровичъ, а вѣдь симптоматичный пустякъ.

Было, значитъ, что-то такое, что въ мартѣ и апрѣлѣ заставляло этихъ людей поворить о васъ, захлебываясь отъ восторга, потомъ пришло что-то, что въ маѣ и іюнѣ заставило ихъ сжаться, притихнуть и взирать на васъ уже мелча не восторженнымъ, а просто выжидательнымъ взоромъ и случилось же что-то, что теперь заставляетъ ихъ при вашемъ имени презрительно морщиться и цѣдить сквозь зубы: «слякоть (прѣстите, привожу единственно для характеристики положенія), размязня, мямля, пустой говорунъ, безвольная мельница».

А ну, Александръ Федоровичъ, спросимъ честно: кто измѣнился, — они, эти люди, или вы?

Честно, только честно, милый Александръ Федоровичъ, скажу: измѣнились сначала вы, а потомъ, конечно, уже вслѣдъ за вами и они.

Съ нихъ что взять, — они обыватели. А вотъ вы... Признаться ли?

Иногда даже у меня является противъ васъ глухое безсильное возмущеніе: подсчитывали ли вы когда-нибудь, — сколько самыхъ роскошныхъ, самыхъ замѣчательныхъ вещей дала вамъ Россія авансомъ въ самомъ началѣ вашей головокруглительной карьеры: нѣжную любовь къ вамъ, пол-

ное довѣріе, пылкія надежды, крѣпкія руки, спины и свѣжія головы дала вамъ страна.

— На-те, Керенскій, стройте новую Россію! Распоряжайтесь, мы съ вами и за васъ.

И какъ вы, Александръ Федоровичъ, распорядились съ этими сокровищами?

Голодная страна вручила вамъ, какъ нѣкому замѣчательному повару лучшіе свои продукты: рябчиковъ, цыплятъ, муку крупчатку, лучшія яйца, свѣжее масло, душистыя яблоки и ананасы, — что вы изъ этого изготовили? Какое кушанье? Мутную болтушку для свиней, отъ которой голодная страна давится вотъ уже который мѣсяць.

Искать ли виноватыхъ во всей этой разрухѣ и развалѣ? Извольте, — вы виноваты!

Говорю это съ большой душевной болью, но... виноваты вы, какъ главный отвѣтственный поваръ той дьявольской интернационалистической кухни, которая чадитъ сейчасъ на весь міръ...

Съ чего началось ваше паденіе? Большинство относитъ это къ моменту занятія большевиками дома Кшесинской и вашего передъ ними расшаркиванья.

Не морщитесь, дорогой Александръ Федоровичъ, не нервничайте, оно было, это расшаркиванье.

Можетъ быть, вы, адвокатъ, не знали, что надо было дѣлать тогда? А я, писатель, зналъ: вызвать батальонъ вѣрныхъ вамъ войскъ и вышвырнуть всю эту гниль. Пусть бы особнякъ былъ даже разрушенъ до основанія, чортъ съ нимъ, пусть бы даже пролилась кровь! Тогда это были бы капли, а теперь льются изъ-за вашего топтанія на одномъ мѣстѣ потоки крови. Что лучше? Вы (какой стыдъ!) вели даже переговоры съ жуликами, занявшими домъ герцога Лейхтенбергскаго вмѣсто того, чтобы смыть всю эту дрянь однимъ росчеркомъ пера.

Вы и теперь такой же человекъ слабости, апологетъ нерѣшительности, апостоль жалкихъ полумѣръ.

Вотъ вамъ примѣръ: въ Донецкомъ бассейнѣ анархія, шахтеры взбѣсились, не хотятъ работать, изгоняютъ хозяевъ рудниковъ и служащихъ, диктуя такія условія заработка, что пудъ угля будетъ стоить чуть не сто рублей.

Отъ отсутствія угля, воюющая Россія можетъ погибнуть, — что же вы дѣлаете, чтобы спасти ее, чтобы уничтожить разруху?

Вы, ваше Правительство, рѣшило, видите ли, послать особаго комиссара.

Псу подъ хвостъ онъ нуженъ, вашъ комиссаръ.

Не комиссара нужно этимъ дикарямъ безъ чести и совѣсти, а двѣ-три тысячи казаковъ съ неограниченными для нихъ полномочіями. Это говорю я, — мирный, кроткій писатель.

Увидите, какъ хорошо въ присутствіи казаковъ зарабатываетъ эта наглая, жадная, развращенная вашими же большевиками (вѣдь это вы допустили ихъ въ Россію) банда.

Удивительная вещь: вотъ я написалъ слово «казаки», и я увѣренъ, многіе изъ читателей поморщатся: «о-о, опять казаки? Безъ казаковъ ни на шагъ».

А что же, господа, — что же иное? Гдѣ другой выходъ? Не лгите себѣ и другимъ, не обманывайте, будьте честны какъ и я, до конца... Вѣдь другого выхода нѣтъ!

Договаривайте! Наше спасеніе, спасеніе всей Россіи только въ казакахъ, въ этихъ единственно благородныхъ организованныхъ защитникахъ революціи и свободы.

А Керенскій боится опереться на казаковъ, онъ опирается на комиссара.

Онъ и къ большевикамъ послалъ «комиссара» для переговоровъ, и къ анархистамъ съ дачи Дурново.

Многіе считаютъ, что паденіе Керенскаго началось именно съ этихъ смѣхотворныхъ переговоровъ съ подонками Россіи.

Я не согласенъ съ этимъ.

Мое искреннее мнѣніе, что ваше паденіе, Александръ Федоровичъ, началось именно съ того казалось бы умилительного момента, когда вы въ мартѣ, пріѣхавъ первый разъ въ министерство, поздоровались съ курьеромъ за руку.

Можетъ быть, этотъ курьеръ былъ хорошій, прямо таки замѣчательный человекъ, но зачѣмъ вы съ нимъ здоровались за руку?

Ему это нужно было? Нѣтъ. Вамъ? Для чего?

А вы пожалли ему руку, и въ этотъ моментъ раздался характерный всплескъ: это впервые въ Россіи престижъ власти шлепнулся въ лужу.

Безумецъ вы! Развѣ можетъ министръ жать руку курьеру въ той странѣ, гдѣ сотни лѣтъ все строилось на зуботычинахъ, начальственномъ окрикѣ и начальнической фуражкѣ съ кокардой.

Долженъ же быть переходъ помятче... Человѣку, голодавшему недѣлю, нельзя сразу дать пудъ мяса. Обѣстся и протянетъ ноги.

Да отвѣтъ вы только этому курьеру на поклонъ милостивымъ наклоненіемъ головы, — вѣдь онъ бы счастливъ быть! А пожалли руку, — отчего же простодушному курьеру не пойти и дальше: не зайти къ вамъ въ кабинетъ, не присѣсть, не поболтать, не выкурить товарищескую папиросу.

Не спорю, пожатіе руки курьеру жестъ красивый, оригинальный жестъ, о которомъ въ свое время много говорили...

Но этотъ жестъ поплылъ по всей Россіи, причудливо мѣняя тона и окраску, извиваясь, гримасничая и хихикая.

И знаете, напимѣръ, въ какомъ видѣ онъ, благородный жестъ вашъ, доплылъ до Кіева? (фактъ!)

Судили какого-то демократическаго человѣка... Подсудимый на судъ опоздалъ, — всѣ судьи ждали его. А когда онъ явился и предсѣдатель суда спросилъ: «гдѣ это онъ былъ такъ долго?» — то подсудимый отвѣтилъ буквально такъ:

— А тебѣ какое дѣло?

Вотъ оно ваше пожатіе руки курьеру... Во что оно вылилось черезъ семь мѣсяцевъ.

Старо, а вѣрно: у насъ въ Россіи или въ морду или ручку пожалуйте градаціи нѣтъ.

Конечно, морда уже отжила свой вѣкъ, отпала, но и для «ручки» слишкомъ рано. Привѣтливый кивокъ головы — вотъ что нужно было всероссійскому забитому курьеру.

Не спорю, вы можете возразить мнѣ, Александръ Федоровичъ, что пожатіе курьерской руки, это просто присущая вамъ оригинальность, какъ была же у Суворова оригиналь-

ная манера кричать пѣтухомъ на зарѣ, звонить на колокольнѣ и прыгать черезъ стулья, когда къ нему приходили съ докладомъ.

Вѣрно. Но не забывайте, что за всѣмъ этимъ Суворовъ былъ гениальный полководецъ и неоднократно вплеталъ пышные лавры въ вѣнокъ славы Россійской. А если бы всѣ его дѣянія только и сводились къ перепрыгиванію черезъ стулья и кукуреканью, онъ бы не былъ такъ славенъ.

Въ васъ же, Александръ Федоровичъ, замѣтна пока только первая половина Суворова, — вы хорошо перепрыгиваете черезъ стулья и кричите пѣтухомъ въ угоду С. Р. и С. Д.

* * *

Послушайте, Александръ Федоровичъ... Я не хотѣлъ васъ обидѣть, ей Богу. И не будь вы сейчасъ у власти, мы, можетъ быть, были бы большими друзьями. Мы оба одинаково любимъ Россію, но въ то время, какъ вы пытаетесь слабой дрожащей рукой опереться на дряблѣе плечо комиссара, я и имже со мной предпочитаемъ твердый, честный стволъ революціонной винтовки.

И если вы прислушаетесь къ этому голосу людей, любящихъ Россію, то... можетъ быть, вашъ портретъ и не будетъ перевернутъ лицомъ къ стѣнкѣ.

Арк. Аверченко.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко.

„Подходцевъ и двое другихъ“

повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

Рис. В. Антоновскаго.

РЪДКОЕ ЗРѢЛИЩЕ.

— Господа, въ чемъ дѣло?! Самоеудъ! Переѣхали?!

— Помилуйте что-то необычайное: человѣкъ работаетъ.

ВСЮДУ ВЪ РОССІИ РАЗГОРАЮТСЯ ЕВРЕЙСКІЕ ПОГРОМЫ.

Тьнь Плева: — Да, Господи Боже Ты мой! Да если бы я зналъ, что Россіи такая свобода нужна, да я бы первый ее, свободу такую ввель!..

... И убогач вскопъ наряда -- вс ке въ пользу ея говорить...

Н. А. Некрасовъ

Рис. А. Радакова.

... Получилъ довольно ловко наряды на вагоны...

...! Что далъ его женѣ возможность имѣть роскошные наряды...

... Но однажы пришелъ нарядъ милици — и, послѣ обыска...

... Облчили любителя нарядовъ на вагоны въ еф-рый нарядъ казеннаго образца...

СУДЪ ВЪ ГОРОДЪ ЕВЛОВЪ.

Судьи пришли первыми. Они долго и робко стояли у входа въ залъ и совѣщались, какъ бы попросить неизвѣстное лицо, знаящее ихъ мѣсто, своимъ корпусомъ и двумя тюками, освободить его на время засѣданій.

На первое предложеніе очистить мѣсто неизвѣстное лицо отвѣтило полнымъ согласіемъ.

— Мое дѣло маленькое. Я и рядомъ могу посидѣть.

— Рядомъ, тоже нельзя. Здѣсь судъ.

Неизвѣстному лицу это сразу понравилось.

— Да, ну? А я-то думаю, куда идтить, чтобы повеселѣе... А кого, извините, судить будете?

— Много. Дѣлъ одиннадцать.

— Ишь ты, — искренно удивилось неизвѣстное лицо — и все воры?

— Разные.

— Разные? Значитъ и Николашка тутъ. Безпремѣнно. Николашку Косаря судить не будете?

— Какъ его фамилія, этого Николашки?

— Фамилія... Фамилія... Сивакинъ, кажись... Нѣтъ, не Сивакинъ. Этотъ другой... У Сивакина лицо-то какъ стеклышко и борода рыжая, а у Кольки угря много. Должно отъ поведенія угорь его ѣсть поверху. Опять же и Елтуховъ другой... Нѣтъ у него фамиліи. Безъ нея живеть. Для его воровскаго дѣла фамиліи не требуется...

Судьи выбрали делегацію совмѣстно съ присяжными засѣдателями и категорически потребовали отъ неизвѣстнаго, чтобы онъ очистилъ мѣсто.

Сначала ему эта просьба даже польстила, и онъ сослался только на полную невозможность разстаться со своими узлами, но потомъ сразу придавъ просьбѣ принципиальный характеръ и отказалъ наотрѣзъ.

— Судъ дѣло обчее. Гдѣ хочу, тамъ и сижу. Вчерась, скажемъ, одного солдата на Бармалеевой при мнѣ судили, такъ племяшь-то мой Ефимка почитай, что два часа на этомъ солдатѣ сидѣлъ и сапогамъ ему по-темечку воровскому билъ, и хоть бы что... Публика только интересъ чувствовала, а запрету ему, Ефимкѣ, никакого. А тутъ на-ка... И съ мѣста сходи и узлы убирай...

Выручить одинъ конокрадъ, дѣло котораго разбиралось восьмымъ и которому надоѣло сидѣть въ судѣ.

— Дозвольте выведу, — лаконически предложилъ онъ, — не люблю хамовъ. Можетъ я и конокрадъ, а наше дѣло чистое, безъ шкандалу. Иди, иди...

Конвой хотѣлъ принять сторону неизвѣстнаго лица, но конокрадъ обѣщался кого-то изувѣчить, и его пустили выводить.

— Кажется, можно начинать, — радостно отозвались судьи. — Сегодня довольно удачный денекъ, все какъ-то быстро налаживается. Толпы передъ судомъ нѣтъ, господинъ приставъ?

— Рано утромъ была.

— Требовала освобожденія?

— Да. За какую-то Евтихину хлопотали. Она, говорятъ, третьяго дня у мужа дверь выломала въ квартирѣ, такъ это отъ ревности и судить ее нельзя, потому что все это отъ любви.

— Успокоили?

— Почти. Пришлось ѣхать за этой Евтихиной, которая сама увѣрила ихъ, что не арестована.

— А они что?

— Да, ничего. Били ее за угломъ. Одной, говорятъ, простить, другая сама безъ причины поидеть двери у мужа взламывать. На извозчикѣ въ больницу потомъ отвезли.

— Ну, хорошо...

Присяжные робко заняли мѣста, адвокатъ пощупалъ задній карманъ, посмотрѣлъ, спущенъ ли на браунингѣ предохранитель, председатель надѣлъ пенснѣ и предложилъ приставу ввести перваго обвиняемаго.

— Обвиняемаго нѣтъ, — хмуро отвѣтилъ приставъ, — его за триста рублей на поруки самосудомъ отпустили. А триста рублей какой-то извозчикъ взять. Нынче, говоритъ, овесъ-то четырнадцать рублей пудъ, своей копеечкой не проживешь, отъ лишнихъ денегъ прѣхъ отказываться.

— Человѣкъ укралъ пятьдесятъ тысячъ и за триста рублей...

— А рубль-то сколько нынче стоитъ, — недовольно заворчали въ публикѣ, — три копейки ему цѣна. Человѣкъ полнымъ рублемъ кралъ...

— Можетъ, обвиняемый еще придетъ? — съ надеждой въ голосъ спросилъ председатель, — извѣстили его?

— Самъ ѣздилъ, — порывшись въ записной книжкѣ, сказалъ приставъ, — и адресъ у меня есть: Шапихинская улица, домъ Пунуа, Иванъ Сергѣевичъ Фулякинъ.

— Ну, и что онъ?

— Ничего. Любезный такой. Будетъ, говорить, время непременно на полчаса заѣду. Безъ суда невозможно. Только дѣлъ ужъ очень много, — вырву ли минутку...

— А вы хорошо просили?

— Еще бы. Въ судѣ, говорю, у насъ буфетъ есть, горячее получить можно, бутербродъ съ ветчиной гривенникъ всего...

— А онъ?

— Гнилая, говоритъ, назѣрное, ветчина и пыльная. Не люблю подержанныхъ закусокъ. А на судъ все-таки моль пріѣду, потому, что совѣсть у меня чистая. Украсть укралъ, а подозрѣвать себя не позволю. Такъ и сказалъ.

— Можетъ, у него телефоны есть?

— Есть. Въ подъездѣ.

— Позвоните. Только вы ужъ какъ-нибудь женскимъ голосомъ работайте, можетъ его такъ выманить удастся... Катя, моль, просить въ судѣ пріѣхать, а мужа нѣтъ дома...

Пока приставъ звонилъ по телефону, кто-то изъ публики заявилъ, что онъ знаетъ Фулякина, и что если его позвать въ судъ на макао, Фулякинъ не устоитъ и сейкасъ же пріѣдетъ.

— Любить карту, мошенникъ. Въ шести клубахъ его увѣчили.

— А такъ онъ не поидетъ?

— Фулякинъ? Иванъ Сергѣичъ? Да ни за что. Вы еще его не знаете...

— Я собственно могла бы, — подумавъ, сказала какая-то дама въ синей вуалеткѣ, — да боюсь, что потомъ крика не оберешься. У насъ съ нимъ отношенія короткія, гдѣ ни увидитъ — въ драку. Желаете, позвоню?

Приставъ вернулся радостный, на лицѣ у него была самодовольная улыбка, и лѣвый глазъ подмигивалъ председателю.

— Выманить. И представьте себѣ, безъ всякихъ женскихъ голосовъ. Сразу узналъ, что меня Никодимомъ Егоровичемъ зовутъ и прямо по имени: сейкасъ, говоритъ, Вася пріѣду. Люблю посудиться. Я сегодня веселый, и пусть не стѣсняются...

— А вы не перепутали? — слегка поблѣднѣвъ, переспросилъ председатель. — Самъ на судъ? Добровольно?

Черезъ часъ Фулякинъ прислалъ записку, что онъ слегка опоздаетъ.

«Судьишечки! — писалъ онъ въ запискѣ. — Рыбочки мои! Пріятели не пускаютъ, потому и опоздаваемъ. Коньякъ вылакаемъ и пріѣду. А коньякъ-то со звѣздочками. Можетъ, всѣ пріѣдемъ вмѣстѣ. Маруся тоже. Фулякинъ».

Сбоку было приписано: «Гриша тоже. Протестую — Фуня».

Несмотря на свой вѣтренный характеръ, Фулякинъ сдержалъ слово, и не прошло трехъ съ половиной часовъ, какъ онъ впереди веселой группы молодежи появился въ залѣ суда, встрѣченный шумными привѣтствіями публики.

— А вотъ и я, — галантно обратился онъ къ судьямъ и назидательно прибавилъ, — въ родѣ Фулякиныхъ суда не боялись. Какъ говорятъ, не суди и судимъ будешь.

Потомъ обернулся къ своей компаніи и любезно кивнулъ на мѣста въ залѣ.

— Садитесь, господа. Будьте какъ дома. Маруся, спрячь ногу, здѣсь мужчины.

Председатель порылся въ бумагахъ и, откашлянувъ, спросилъ:

— Подсудимый Фулякинъ, сколько вамъ лѣтъ?

— Да скрывать нечего, — весело отвѣтилъ Фулякинъ, — замужъ не собираюсь: двадцать шесть съ хвостикомъ, а хвостъ-то большой, — хлѣбный. Однимъ словомъ тридцать два и ни копейки больше, какъ говоритъ Саша.

— Ваши занятія?

— Разныя. Маруся, подтверди.

— Что вѣрно, то вѣрно, — живо откликнулась Маруся, — занятія у него такія, что не во всякій домъ пустятъ. У него и братъ такой. Веселая семейка.

— Скажите, подсудимый Фулякинъ, признаете ли вы, что въ ночь на 30 апрѣля вы, взобравшись по черному ходу въ квартиру потомственнаго почетнаго гражданина Сиверцова...

— Да, развѣ же онъ Сиверцовъ? — искренно удивился

Фулякинъ, — я-то думаю, гдѣ эту самую фамилію слышаль... А Файферъ это кто?

— Файферъ въ дѣлѣ не упоминается...

— Ну, такъ это значитъ, мнѣ кто-нибудь о немъ рассказывалъ, о Файферѣ-то. А я уже путаться сталъ, — у кого это я тогда деньги-то приобрѣлъ.

— Можетъ, вы расскажете сами...

— Да чего же рассказывать-то? Ничего интереснаго, а они вотъ всю исторію наизусть знаютъ. Какъ скучно такъ и рассказывать заставляють... Ну, вхожу я значитъ въ квартиру, смотрю на обстановку, а обстановка-то нужно сказать плебейская: креслица голубыя, ковры зеленые, вкуса никакого...

— Суду это неинтересно, подсудимый...

— Во-первыхъ, вы поосторожнѣе, я для васъ не подсудимый, а Иванъ Сергѣевичъ, мы съ вами на брудершафтъ не пили, а во-вторыхъ, я вамъ не армянскіе анекдоты рассказываю, чтобы вы животики поджимали...

— Подсу... господинъ Фулякинъ... Я васъ предупреждаю...

— Хорошо, хорошо. Надоѣли. Ну, значитъ, иду это я по столовой, а навстрѣчу мнѣ эта самая дура Сиверцова и давай кричать... Понимаете? Меня даже взорвало. Почему она кричитъ, а не я кричу? А вѣдь есть отъ чего покричать: капоть на ней рваный, ручищи толстыя, красныя, морда такая, что волосы дыбомъ встають, на ногахъ туфли стоптанныя... Какъ это Сиверцовъ держитъ такую при себѣ...

— Въ послѣдній разъ, господинъ Фулякинъ)...

— Да вы не кричите. Подумаешь, — председатель. Можетъ быть я тоже председатель, да молчу...

Судьи пошептались и объявили перерывъ.

— Пойдемъ, братцы, въ буфетъ, — предложилъ подсудимый своей компаніи, — пока старички разговаривать будутъ, мясца поѣдимъ... Маруся, идемъ. Я тебя икрой чествовать буду...

Защитникъ подошелъ къ прокурору и горячо пожалъ ему руку.

— Не придется говорить-то, пожалуйста...

— Сами знаете, — жена, дѣти... Лишнее слово, и дома не дойдешь. Подсудимый нынче попался славный, веселый такой... Малость покричить и бросить, а вотъ публика-то звѣремъ смотритъ, да подь окнами кто-то ходитъ...

— Меня предупреждали изъ публички, — вздохнулъ защитникъ, — чтобы я его хорошенько защищаль. Это ничего, молъ, что онъ за кражу судится, а вы его за убійство защищайте, а то скучно...

— Ну, и какъ вы?

— Тотже жена и дѣти. Сами понимаете...

— Нужно предложить этому Фулякину... Можетъ быть, согласится на какое-нибудь наказаніе... Будемъ ему считать тридцать тысячъ не въ рубляхъ, а въ фунтахъ стерлинговъ... Все-таки меньше выйдетъ...

— И будто бы не украсть, а нашель ихъ на улицѣ и только въ милицію не заявилъ...

— И даже заявилъ, а тамъ забыли...

— Виноватъ, тогда же его оправдать придется...

— А какъ вы его осудите?

Положилъ конецъ совѣщанію самъ Фулякинъ. Онъ вернулся изъ буфета, прожевывая кусокъ бутерброда и застегивая на ходу пальто.

— Ну, какъ, дѣтки, дальше ломать дурака будемъ? Не надоѣло...

— Господинъ Фулякинъ...

— Тридцать два года Фулякинъ... Некогда мнѣ, понимаете... Съ вами только свяжись... Сейчасъ прокуроръ начнетъ: въ ночь на такое число... Что я

самъ не знаю? А этотъ вотъ дядя еще защищать вздумаетъ. Отецъ, молъ у него дегенератъ, мать оттуда же происходитъ, дядя утопленникъ. — Къ чорту, къ чорту... Маруся, протестуй...

Онъ негодующе хлопнулъ себя по колѣнамъ и, кивнувъ приставу, направился къ выходу.

Старшина присяжныхъ поладилъ бороду, провелъ костлявой рукой по широкому красноватому уху и конфузливо предложилъ:

— Кажется, дальше еще какое-то дѣло есть?... Начнемъ, пожалуй...

За окномъ толпа требовала неподсудности нѣкоего Шкарьдина, который долженъ пріѣхать завтра изъ Сызрани и проломить голову своему зятю за небрежное отношеніе къ семейному счастью.

Арк. Буховъ.

ИНСТИТУТКА.

— По моему, самый скромный человекъ — Нахамкесь.

— Почему?

— Институтское воспитаніе: у жены институтъ красоты, самъ сидитъ въ Смольномъ институтѣ, а скоро, вѣроятно побѣдетъ въ Пастеровскій институтъ.

Рис. Ре-ми.

КАИНОВЫ МУКИ.

Матросъ съ „Петропавловска“: — Съ нѣкоторыхъ поръ намъ кажется, что мы плаваемъ не въ Балтійскомъ, а въ Красномъ морѣ — всюду кровь плещетъ...

„РАБОЧИЙ ПУТЬ“.

— Ой, анархія! Уже дворники стали улицу подметать...

„ЖИВОЕ СЛОВО“.

— Анархія, помилуйте! Царя нѣтъ!

„НОВАЯ ЖИЗНЬ“.

— Чортъ знаетъ, какая анархія! Солдаты идутъ на фронтъ!

„ПЕТРОГРАДСКАЯ ГАЗЕТА“.

— Кар-рауль, анархія! На подножкахъ висятъ!

ИСТОРИЯ.

Эй, вы, обычные, которые,
По долгу мужа и отца,
Съ женой бранитесь, — къ вамъ исторія
Стучится съ чернаго крыльца.

Идетъ! стучить ногой обутою,
Шалить. Кривить усмѣшкой ротъ.
— «А ну-ка, думаетъ, напутаю, —
Потомъ историкъ разберетъ».

То съ кѣмъ-то встрѣтится близъ Гатчины,
То въ Царскомъ вынырнетъ Селѣ.
А мой сосѣдъ, врасплохъ захваченный,
Попалъ въ исторію... въ бѣльѣ.

Ей всё равно, — какая разница!
Величье, фарсъ — къ звену звено.
Пьяна жестокая проказница —
Ей кровь по вкусу, какъ вино.

Слѣшитъ, полна задора женскаго,
Листки у встрѣчныхъ рветъ изъ рукъ.
И треплетъ курточку Керенскаго,
Какъ Бонапартовскій сюртукъ.

Эммануиль Германъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Поминаютъ.

Повидимому, родственныя чувства всегда остаются въ силѣ,
что бы ни произошло.

М. В. Родзянко въ Москвѣ заявилъ, что отъ одного изъ прѣхавшихъ изъ Риги (нѣмцы охотно отпускаютъ русскихъ) онъ слышалъ слѣдующее: при первомъ въѣздѣ императоръ Вильгельмъ поѣхалъ въ православный соборъ, приложился къ иконѣ и распорядился, чтобы при богослуженіи поминали императора Николая II.

Поминать-то можно, а вотъ какими словами — объ этомъ еще подумать надо...

Знакомыя все лица.

Пріятно встрѣтить знакомаго человѣка не только за чашкой чая, а и въ общественной работѣ. Правда, иногда при такой встрѣчѣ за голову хватаешься, если ее еще не успѣли оторвать.

Какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣдом.“:

Въ гвардіи Финляндскомъ полку по вопросу о текущемъ моментѣ и объ отношеніи къ Совѣту Республики была принята большевистская резолюція. Для редактированія этой резолюціи была избрана комиссія, въ составъ которой вошелъ, между прочимъ... Злотниковъ, тотъ самый Злотниковъ, который въ „Русскомъ Знамени“ писалъ погромныя статьи противъ евреевъ и противъ революціонеровъ.

Теперь г. Злотниковъ, рядовой Финляндскаго полка, конечно, записался въ большевики и играетъ тамъ видную роль.

Когда такой человѣкъ говоритъ, что онъ несетъ высоко свое знамя, онъ бываетъ безусловно правъ. Особенно, если дополнить, что это „Русское Знамя“.

Простаковщина.

Бываютъ такія вѣскія основанія, что удивляешься не столько имъ самимъ, сколько головѣ, которая ихъ выдумала:

— Академикъ Паладинъ командированъ былъ академіей наукъ въ Севастополь для изученія растений при свѣтѣ южнаго солнца. Паладинъ, сообщая объ этомъ въ бюро по выдачѣ пропусковъ въ Севастополь, просилъ о разрѣшеніи ему въѣзда въ Севастополь. На этомъ ходатайствѣ академика въ бюро пропусковъ написали слѣдующую глубокомысленную резолюцію: „Свѣтъ и растения имѣются вездѣ“, и на этомъ основаніи въ пропускѣ отказали. На эту безпримѣрную резолюцію, какъ намъ передаютъ, академикъ будетъ реагировать.

А что теперь вообще остается дѣлать какъ не реагировать? Дешево и сердито, а главнымъ образомъ никого не затрагиваетъ.

Противно.

Договориться можно до всего, даже до того, послѣ чего становится стыдно всѣмъ сразу.

Нѣкій Коральникъ въ „Русской Волѣ“ пишетъ объ изданіи какого-то журнала „Смѣхъ Солдата“ и ужасно негодуетъ. Возмущаетъ Коральника вотъ что, главнымъ образомъ:

Въ мудрости горечь. Мудрецъ только улыбается. Оттого-то улыбка такъ характерна для культурности. Дикарь не улыбается. Онъ хмурится и молчитъ. Или — гогочетъ... И тутъ грань.

Рис. Миссъ.

ШУТКА ОБЪ АКТРИСѢ ФРИВОЛЬНАЯ.

Нѣкій шутникъ дамъ своей объ одной актрисѣ замятилъ: „Женщину сію даже недруги ея дорогой называютъ...“

Между дѣтской свѣжестью и яростью и дикой разнузданной некультурностью.

Ребенокъ — смѣется. Дикарь — гогочетъ.

Дьяволъ не смѣется — онъ хохочетъ.

И это меня пугало, когда я наблюдалъ — хотя бы нашихъ солдатъ.

Они гогочутъ. При каждой возможности и невозможности. Что-то забудыжно-дерзкое, унизительно-грубое въ этой гримасѣ смѣха.

Мы сами часто негодуемъ на то, что дѣлаютъ люди въ сѣрыхъ шинеляхъ и прикрывающіеся этими шинелями. Но, когда въ такое время какъ у насъ, въ Россіи, въ ея столицѣ, какіе-то коральники говорятъ такими словами о русскомъ солдатѣ вообще, становится очень и очень противно.

Быстрая помощь.

„Приднѣпровскій Край“ рассказываетъ о такой системѣ быстрой помощи.

Согласно распоряженію.

Въ ночь на 30 сентября, въ квартиру присяжнаго повѣреннаго К. Н. Сабо (Семинарская ул. въ Екатеринославѣ) забрался воръ.

Г-жа Сабо проснулась и крикнула: — Кто здѣсь?

Испугавшійся воръ захватилъ разную одежду, поспѣшилъ скрыться.

Проснувшись, К. Н. Сабо бросился за воромъ, но оказалось, что воръ предусмотрительно заперъ снаружи дверь.

Не имѣя возможности выйти изъ квартиры, К. Н. Сабо по телефону вызвалъ 3-ю милиціонную часть.

— 3-я милиціонная часть?

— Да.

— Кто у телефона?

— Дежурный милиціонеръ.

— Меня сейчасъ обокрали и заперли въ квартирѣ. Будьте добры прислать милиціонера.

На эту просьбу послѣдовалъ такой отвѣтъ:

— Мы по телефону заявлений не принимаем. Потрудитесь
зайти в комиссариат и заявить о случившемся.

— Да я заперть, лишечь возможности выйти из квартиры.

— Все равно... У нас такое распоряжение... Приезжайте и
заявляйте...

— Да я лишечь возможности это сделать...

— Ничего не могу сделать...

К. И. Сабо подалъ объ этомъ вчера заявление прокурору
окружного суда.

Хоть въ консисторію. Прошеніемъ тутъ не поможешь.

Ноги на барьерѣ.

До сихъ поръ мы, петроградцы, слышали мычаніе только
въ Зоологическомъ саду и то оно доносилось изъ соответ-
ствующихъ клѣтокъ.

Другое время — другія пѣсни.

Теперь можно услышать скотское мычаніе и въ Михай-
ловскомъ театрѣ, и не изъ клѣтки оно доносится, а изъ ложи:

Въ Михайловскомъ театрѣ во время представленія пьесы Остров-
скаго „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, произошелъ неслыханный
въ лѣтописяхъ нашего Государственного театра постыдный скандалъ.
Въ литерной ложѣ 1-го яруса сидѣла компанія, у всѣхъ на виду пила
лимонадь, разбавленный спиртомъ, и дѣлала громкія замѣчанія по
адресу игравшихъ артистовъ. Одинъ изъ компаніи, субъектъ въ сол-
датской формѣ, дошелъ до того, что положилъ ноги на барьеръ.

Возмущенная публика требовала вывести пьяныхъ скандалистовъ
изъ театра. Въ отвѣтъ на это изъ литерной ложи раздалось улюлю-
канье, пьяное мычанье и горделиво-пьяный возгласъ: „Посмотримъ,
кто смѣетъ меня вывести, я членъ Исполнительнаго Комитета Совѣта
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. У меня мандатъ!“

Находившійся въ театрѣ главноуполномоченный театровъ Ф. Д. Ба-
тюшковъ распорядился дать знать о скандалѣ въ комендантское упра-
вленіе. Скандалившій субъектъ въ солдатской формѣ оказалъ сопро-
тивленіе, и его выпроводили изъ ложи силой.

— Зачѣмъ вы мычите и хрюкаете? — спрашиваютъ че-
ловѣка.

— У меня мандатъ, — возражаетъ онъ.

Съ какихъ это поръ органъ полномочной демократіи
сталъ давать подобные удивительные мандаты на мычанье?..

Дурацкая исторія.

Иногда такъ хочется поговорить тихо, ласково, безъ рѣз-
кихъ словъ и оскорбленій.

Но бываютъ такіе моменты и наталкиваешься на такіе
факты, что никакого другого слова, кромѣ: „дуракъ!“ — не
подберешь.

Тщетно придумываешь какой-нибудь болѣе приличный
эпитетъ или фразу въ родѣ: „безотвѣтственная часть крайнихъ
соціалистическихъ партій“, „часть демократіи, ослѣпленная
призракомъ будущаго интернаціонала“ — нѣтъ! Все это
слабо, все это не то.

Просто:

— Дураки.

Вотъ, полюбуйтеся:

Когда нѣмецкій социаль-демократъ, авторъ извѣстныхъ трудовъ
по національнымъ вопросамъ, Отто Бауэръ, попалъ къ намъ въ
плѣнъ — „авангардъ революціи“ обрадовался ему, какъ родному брату.

Выписали Бауэра въ Петроградъ, выводили на торжественное за-
сѣданіе въ Таврической дворецъ. Министры-соціалисты цѣловались съ
нимъ. Вообще — „штандартъ скакалъ“...

Осмотрѣвши все, что можно смотрѣть въ российскомъ хаосѣ,
разузнавши обо всемъ, о чемъ можно узнать, нѣмецкій товарищъ по-
жалъ благородныя руки русскихъ товарищей, расцѣловался съ ними
и... уѣхалъ за границу, на фатерляндъ, къ себѣ въ Вѣну. Явился къ
министру иностранныхъ дѣлъ графу Чернину, доложилъ ему обо
всемъ, что узналъ въ Россіи, и... получилъ важное мѣсто въ рус-
скомъ отдѣлѣ министерства, въ качествѣ авторитетнаго освѣдомителя.

И если задать по этому поводу знаменитый вопросъ:

— Что это — глупость или предательство? — то от-
вѣтъ будетъ простой:

— То и другое.

Выбралъ...

Жемчужну кучу разрывая,

Пѣтухъ нашель навозное зерно...

А въ прозѣ это выглядитъ такъ:

верховный комисаръ Станкевичъ выдвинулъ на должность своего
помощника кандидатуру извѣстнаго большевика „офицера“ Крыленко.

Станкевичъ выбралъ Крыленко. Это намъ все равно, по-
тому что Станкевича мы не знаемъ.

Но кто выбралъ такого Станкевича?

Временное Правительство. Увы... Его-то мы хорошо
знаемъ.

И выходитъ по слову библейску:

Керенскій роди Станкевича,

Станкевичъ роди Крыленку.

Кого роди Крыленко? Это четвертое имя надо поискать
только въ спискахъ уголовной тюрьмы.

Задумевная бесѣда.

Веселое засѣданіе Церковнаго Собора:

Выступилъ г. Бичъ-Лубенскій, обрисовавшій редактора „Цер-
ковно-Общественнаго Вѣстника“, профессора Б. В. Титлинова, какъ
человѣка, дѣятельность котораго носила все время отрицательный ха-
рактеръ. Въ заключеніе г. Бичъ-Лубенскій произнесъ оскорбительное
слово по адресу Б. В. Титлинова. Б. В. Титлиновъ попросилъ слово
по личному вопросу и въ своей рѣчи заявилъ, что на рѣчь Бичъ-Лу-
бенскаго можно отвѣтить лишь, подойдя къ нему и прикоснувшись къ
его лицу рукой.

Гм! Что Титлиновъ хотѣлъ этимъ сказать? Загадочно,
загадочно.

Охъ, ужъ эти мнѣ богословы. Все-то они отъ Писанія,
все отъ Писанія.

Горемычная Одесса.

Вотъ ужъ поистинѣ несчастный городъ:

На бѣгахъ произошелъ крупный скандалъ. Большая толпа сол-
датъ во время бѣговъ явилась на ипподромъ и заняла бѣговую до-
рожку, съ цѣлью воспрепятствовать бѣгамъ и стала требовать вообще
закрытія бѣговъ. Часть публики ушла.

Видя, что остальная публика не уходитъ, солдаты бросились на
бесѣдку и стали разгонять.

Въ голову приходитъ такое сравненіе:

— Вѣдь лошади, которыя на бѣгахъ — скоты, а ве-
дутъ они себя въ тысячу разъ лучше, чѣмъ двуногіе.

Тонкій стратегическій планъ.

Меньшевикъ Бройдо задалъ большевикамъ на засѣданіи
И. К. С. Р. и С. Д. такой вопросъ:

— Кто же будетъ вашими стратегами? — спрашиваетъ Бройдо. —
Если это будутъ штатскіе, то, вѣроятно, — Каменевъ, Троцкій и дру-
гіе лидеры большевиковъ. Но я сомнѣваюсь въ стратегическихъ спо-
собностяхъ этихъ политическихъ дѣятелей. Военныхъ же стратеговъ
среди большевиковъ я не вижу. Когда я поставилъ Троцкому въ за-
сѣданіи Исполнительнаго Комитета вопросъ, кто будетъ разрабаты-
вать военные планы при революціонномъ штабѣ, Троцкій мнѣ отвѣ-
тилъ:

— Мы приставимъ дуло револьвера ко лбу реакціоннаго гене-
рала, и онъ будетъ нашимъ стратегомъ и поведетъ насъ туда, куда
мы ему укажемъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о конструкціи власти рѣшенъ
чрезвычайно просто:

— Нѣтъ умнаго министра? Пустяки. Возьмемъ кадета,
приставимъ револьверъ ко лбу — пусть править.

— Нѣтъ талантливаго дипломата для представительства
на конференціи? Просто, какъ палець! Берется буржуй, ре-
вольверъ ко лбу — говори, каналья! Защищай интересы про-
летаріата!

А если взять да, наоборотъ, приставить пистолетъ ко
лбу Троцкаго — ничего и не выйдеть: какъ извѣстно, мѣдъ
пулей не пробивается.

Въ скоромъ времени выйдеть въ свѣтъ новая книга

Аркадія Аверченко

СИНЕЕ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

Читайте журналъ

БАРАБААНЪ.

Продается у всѣхъ газетчиковъ.

НАЦИОНАЛЬНОЕ.

Въ наши дни, какъ погляжу я,
Юдофобство не въ чести:
Ненавистнаго буржуа
Травимъ, Господи прости!

Съ той минуты, какъ у власти
Всталъ вчерашній эмигрантъ,
Мы исправили отчасти
Мордобойный свой талантъ:

Кой-кому дано прощенье:
Вы — отечества сыны!
А козлами отпущенья
Буржуа наречены.

Въ нихъ мы, злобою пылая,
Зримъ источникъ бѣды и зла
И приемы Николая*
Раздуваемъ до зѣла!

Ахъ, безъ плюхъ и зуботычинъ
И натравливанья маисъ
Какъ-то дикъ и необыченъ
Ходъ исторіи у насъ!

Вас. Князевъ.

Спасибо видали уже. 3 июля.
Странная вы публика — Доронъ и иже съ нимъ: намъ, мирнымъ
сатириконцамъ, вы показываете штыки, а нѣмцамъ — пятки.
Хорошо, если бы наоборотъ.
С. О. О. — Отточенное жало сатиры этого поэта больно жалить
сильную половину рода человѣческаго:

Ахъ, вы, мужчины,
И тамъ и тутъ
Все сплошь скотины (?)
На женщинъ врутъ.

Сгихи таковы, что мы готовы оторвать ихъ у васъ вмѣстѣ съ ру-
ками.

Все-таки будетъ гарантія, что больше не напишете.

Казю-Козеичу. — "... Брюки на немъ были подержанныя, а одна
брюка (?) была даже съ дыркой".

Есть слово — сани. Но это не значитъ, что однѣ сани — сани,
а половина саней — саня.

Такими разсказами, какъ вашъ, и на одну брюку не заработаете.

П. В. Обо-ву. — Я увѣренъ, что Керенскій потому боится аре-
стовать матросовъ „Петропавловска“ (убійць офицеровъ), что у него
кишка тонка".

Если это такъ, то очень печально, что несовершенство внутрен-
нихъ органовъ правящихъ классовъ мѣшаетъ Ѳемидѣ быть честной
женщиной.

Базичкѣ М. (Нижн. Новг.) — „Если мои стихозы подойдутъ,
то могу эти мои естественныя отправления въ „Сатириконъ“ дѣлать еже-
недѣльно“.

Выброшено все. Такъ — любовь къ витіеватымъ выраженіямъ гу-
бить человѣка.

Ave.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Дорону Мылову (здѣсь)... — „И мы, революціонные солдаты, —
пишеть обиженный чѣмъ-то Доронъ, — покажемъ сатириконцамъ наши
штыки!“

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за
пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками
почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ про-
дажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи:

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 2 руб.

Аркадій Буховъ:

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 2 р. 50 к.

1918 г. открыта подписка XIII годъ
изданія.

на роскошный художественно-литературный журналъ
съ громадной галлереей картинъ въ краскахъ,
орнаментами, конгревнымъ тисненіемъ, барельефами
и многими многокрасочными и золотыми украшеніями,

ПРОБУЖДЕНИЕ

12 роскошныхъ выпусковъ художественно-литературнаго
журнала, въ красивыхъ рельефныхъ папкахъ, съ прило-
женіемъ изящныхъ книгъ и цѣнныхъ премій. 12

При каждомъ № „УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ“. Новые законы Россіи.
Подписавшіеся на 1918 годъ получаютъ приложенія:

12 РѢДКИХЪ ПО ИЗЯЩЕСТВУ
художественныхъ ПОРТРЕТОВЪ
— БАРЬЕЛЪФОВЪ первыхъ
истинныхъ борцовъ за народъ.

30 КАРТИНЪ: ВЪ КРАСКАХЪ,
автотипія, олеографія, фото-
типія, гравюры и друг.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ писателей,
свѣтлыхъ мучениковъ за счастье русскаго народа

Полныя собранія сочиненій:

Казненнаго въ 1826 году поэта

К. В. РЫЛЪЕВА

Осужденнаго въ Сибирь поэта

Кн. А. ОДОЕВСКАГО

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

М. ДОСТОЕВСКАГО

яркаго сторонника сближенія съ народомъ.

РОМАНЫ,
ПОВѢСТИ,
РАЗСКАЗЫ,

Запрещенныя сочиненія:

Великаго защитника крестьянъ

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО

Борца за пролетаріатъ, знам. критика

Д. И. ПИСАРЕВА

МАРСЕЛЬЕЗА

цѣнный, художественной работы портфель-альбомъ,

— въ память русскаго революціи 1917 г., —

съ приложеніемъ революціонныхъ, литературныхъ и музы-
кальныхъ произведеній для концертовъ-митинговъ, съ изящ-
ными открытыми письмами и коллекціей украшенной много-
красочными орнаментами, художественной бумаги для писемъ.

Двѣ роскошныя стѣнныя картины въ краскахъ;

Грядущая весна. || Въ надзвѣздныхъ краяхъ.

Испанск. художн. НАМПА. Размѣръ картинъ 60 сант.

АБОНЕМЕНТЪ: на годъ 20 р. на полгода 10 р.

Пробный № высылается за 1 рубль

Петроградъ, Редакція «Пробужденіе»,

Суворовскій пр., с. д. № 41.

Ред.-изд. Н. В. Корецкій.

РУССКІЙ МОИСЕЙ — КЕРЕНСКІЙ — СЪ ТРЕМЯ ЗАПОВѢДЯМИ СЪ СИНАЙСКОЙ ГОРЫ.

Сбоку изображено исполненіе сихъ заповѣдей...